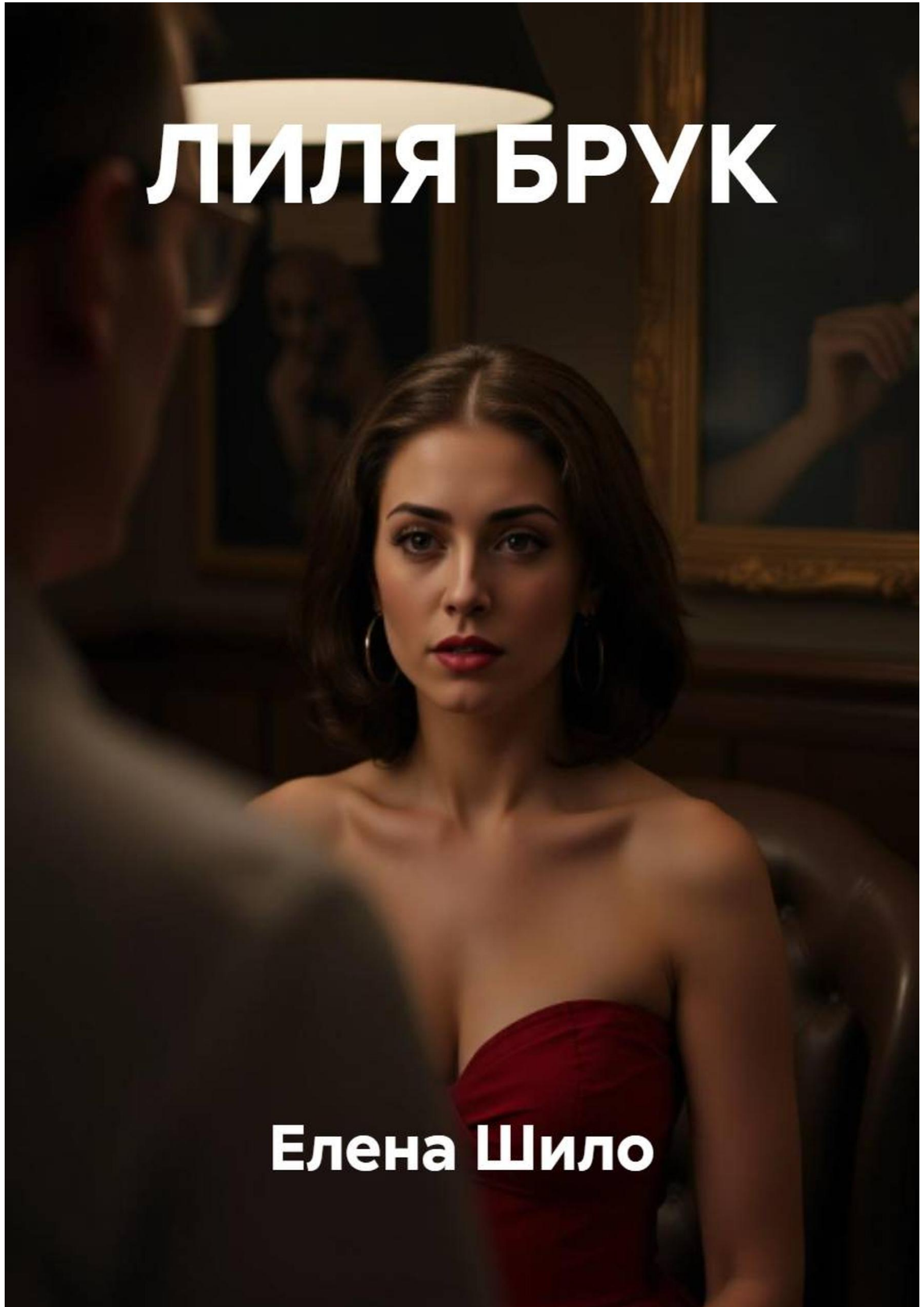

A woman with dark, wavy hair and large hoop earrings is looking directly at the camera with a serious expression. She is wearing a red strapless dress. The background is dimly lit, featuring a large painting in a gold frame and a lamp with a white shade. The overall mood is dramatic and intimate.

ЛИЛЯ БРУК

Елена Шило

Елена Шилю
ЛИЛЯ БРУК

«Автор»

2026

Шило Е.

ЛИЛЯ БРУК / Е. Шило — «Автор», 2026

Детективная повесть, главный герой по имени Джерри Браунинг случайно находит зашифрованное объявление в газете, которое адресовано лично ему. И он знает от кого это послание - это его бывшая жена Лиля Брук, с которой он не виделся уже несколько лет. Таинственное объявление приводит его в бар, где совершено убийство. Однако сюрпризы на этом не заканчиваются. Что скрывается за таинственным исчезновением супруги? Главному герою ничего не остается, как включиться в невероятно запутанную игру, правила которой известны одному только Богу. Автор повести - филолог, писатель и переводчик Соколова Елена Алексеевна (род. 1980 г.), творческий псевдоним Елена Шило.

© Шило Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Моя кошка и странное объявление	5
Велосипедная прогулка	7
Мистер Браунинг	8
Рыбный ужин	9
Лиля Брук	11
Вес	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Елена Шило ЛИЛЯ БРУК

Моя кошка и странное объявление

Зазвонил телефон. Я проснулся не сразу. Какое-то неопределенное время я еще находился в промежуточном слое реальности, где-то между сном и бодрствованием. Потом я моргнул сквозь закрытые веки и стал отсчитывать звонки. Десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать.... Телефон разочарованно замолчал. Тринадцать. Я открыл глаза. Утро? Солнце золотило часть пола около окна, угол от журнального столика и на нем недопитый с вечера чай. Кошка с невероятным удовольствием растянулась прямо на солнечной кляксе на полу. Я сел на кровати, и попытался вспомнить, какие планы были у меня на сегодня. Время девять. Усилиями сонного мозга я установил, что одну встречу уже проспал.

Клиент был очень неприятный и требовательный, он все время просил приходить на пять минут раньше, чтобы выкурить со мной терпкую бразильскую сигару и расспросить как мои дела, что ест моя кошка, и не женился ли я еще, – все это до официальной встречи. Ровно через пять минут он менялся в лице, переходил на деловой тон и безжалостно бил меня своими замечаниями по поводу опечаток, неправильного оформления документов, слишком маленького шрифта или слишком узких полей. В остальном же, я выполнял работу безукоризненно, поэтому придраться к содержанию или к оплошностям перевода было невозможно. Я почувствовал легкое облегчение и радость, оттого что проспал эту странную встречу.

Значит, остальные дела намечены только после обеда. Отлично. Я встал, дотронулся до кошки большим пальцем правой ноги, она ответила мне: «Мур?», — и потянулась. Немного поласкав кошку, я отправился в кухню и сварил черный кофе. Сервировав стол несколькими бутербродами с тунцом и зеленым салатом, я уселся было завтракать, но тут пришла изумленная кошка. Она на всякий случай подошла к своей миске и, убедившись, что там пусто, недоуменно посмотрела на меня. Ничего не сказав, она развернулась и гордо, хоть и бесшумно, удалилась из кухни. Обиделась. Умяв бутерброды, запив их отменным кофе, купленным за бесценок у арабов, я еще решился на три небольшие квадратные хурмы, такой сорт в любое время года сохраняет удивительную медовую сладость, и два красных яблока. Красные яблоки с зеленоватым нутром, немного горьковатые на вкус, – самые достойные представители своего вида, а всякие там сладко-желтые и кисло-зеленые меня никогда не соблазняли. Окончив трапезу, я насыпал кошке сухого корма и подлил молока в соседнюю миску.

Теперь пришло время утренней газеты. Закурив, я раскрыл свежий номер. Тонкий аромат типографской краски быстро распространился по всей кухне. Как обычно писали всякую пробуждающую чушь. В Германии упал самолет, в Израиле не приняли бюджет, в России открылась новая экспозиция, в Америке перевернулся автобус со школьниками. Я пробежался по газете и хотел уже закрыть ее, как вдруг мой взгляд зацепило одно маленькое и неприметное объявление, сжавшееся в левом углу листа в скромный квадрат. ***“Мистера Браунинга разыскивает одна молодая особа, пожалуйста, свяжитесь с ней по телефону***(далее сообщалось, что заполучить его можно в редакции газеты) ***или в будущую среду в четверть восьмого вечера приходите в кафе «У Сэма», где она будет ждать вас по очень срочному делу”***. Сообщение выбило меня из утреннего состояния неспешной плавности, я забыл стряхнуть пепел, и он упал мне на ногу. «Будущая среда» – это, стало быть, завтра. Жаль. Если бы встреча была назначена на сегодня, я бы ее с чистой совестью пропустил. Но завтра.... Абсолютный выходной. Мистером Браунингом меня называла только одна женщина на всем белом свете.

Если я не ошибся, и это таки она, то будет крайне любопытно, что же ей понадобилось после этих бесконечных трех лет.

Я решительно стряхнул пепел с ноги прямо на пол и поплелся вытряхивать перегруженную пепельницу. Ну и дела. Время – девять тридцать пять. В самый раз прокатиться на велосипеде. Я не люблю бег трусцой. Он утомляет мое и без того слабое, изможденное кофеином сердце. Поэтому чтобы поддерживать себя в приличной форме, я катаюсь по утрам и вечерам на велосипеде, заодно познаю город на *больших* расстояниях, чем это позволяет делать пробежка, пусть и длительная.

Заглянув в ванную, наскоро побрившись и почистив зубы, я натянул чистую футболку и шорты, попрощался с кошкой и вышел на улицу. Моя кошка обижается по всяким пустякам: не попрощался, не поздоровался, не налил молока вовремя, не поменял как надо туалет. Дама с характером, ничего не скажешь.

Велосипедная прогулка

На улице было чудесно. Я даже чуть расстроился, что без меня где-то может быть так хорошо. Но потом отдался солнцу, ветру, улице и стремительному движению. Обычно я катаюсь на большой скорости. У меня есть несколько изъезженных, надежных маршрутов, которые я разработал специально под разную погоду и настроение, под имеющееся в моем распоряжении свободное время и различную освещенность. Проехав по одному, отнюдь не легкому маршруту, я осознал, что еще не накатался и к тому же соскучился по ней. Я свернул возле супермаркета налево и прибавил скорости. Подъезжая к покосившемуся забору, я немного притормозил и продолжал тормозить до тех пор, пока не остановился совсем возле пышного, ароматного куста ядовито-желтой акации.левой рукой я оперся о забор и, наконец, осторожно заглянул внутрь.

Она лежала там как обычно. Синий купальный костюм, оранжевое полотенце, у изголовья бутылка с минеральной водой и пакет с виноградом. На лице красовались дешевые солнцезащитные очки. Казалось, она спит. Я смотрел, как солнце бесстыдно играет с ее телом, как она отдается ему. Я завидовал солнцу. С этой девушкой я не знаком, но раз в неделю я проезжаю возле ее дома и всегда заглядываю к ней. Есть в наших тайных свиданиях какая-то необъяснимо-чистая, звонкая красота. Если она просыпается и, скажем, тянется за виноградом, то, увидев меня, мило улыбается и машет мне рукой, как самому лучшему другу. И ей кажется все равно, что она не знает, кто я и чем занимаюсь, какой мой любимый напиток и какого тембра мой голос. Мы просто всегда рады друг другу, искренне, по-настоящему. Сегодня она спала. Я какое-то время любовался ей, потом крутанул педали и зашуршал по насыпи к выезду из города.

Этот маршрут рассчитан на полуторачасовое катание, без учета остановки около покосившегося забора и заброшенного сада. Около двенадцати я поднимался по лестнице своего многоквартирного дома на четвертый этаж.

– Здравствуйте, миссис Чейз! Как поживаете? – я улыбался как всегда. Эта старушка с белыми буклями на голове, такая милая, такая непосредственная в своей старости. Вечно она что-то бубнит, будто чем-то недовольна. А, увидев меня, ее морщины растягивает улыбка:

– Опять катался? Смотри, как-нибудь сломаешь себе шею или, чего доброго, машина собьет! – радостно запричитала она, медленно ползя по лестнице и премоило улыбаясь не по возрасту белоснежной улыбкой. Люблю такие морщинистые улыбки, они как будто существуют отдельно от престарелой хозяйки.

Дома я залез под душ. Это такое блаженство, после велосипедной прогулки стоять под струями мудрой воды, смывающей все лишнее с твоего тела. Я дружу с водой. В детстве я всегда ждал и не мог дождаться вечера, когда меня станут купать. А, когда стал постарше, каждый день повадился ходить к пруду, иногда с единственным другом, чаще – один. Я подолгу сидел на траве, на берегу, и смотрел на воду. Кто знает, что творилось тогда в моей голове? Я и сам сейчас не помню. Вода будто отключала меня от реальности. Я пребывал где-то вовне. Сейчас я хожу два раза в неделю в бассейн и на выходных обязательно выбираюсь к морю. Вода, видимо, превалирует над другими тремя первоэлементами, составляющими все вокруг. Хоть и проверить это не представляется возможным. К сожалению.

Мистер Браунинг

Мистер Браунинг... Хм, я никак не мог поверить, что это была о н а. Пути Господни, в самом деле, неисповедимы... Если это и вправду она, какая она сейчас? Узнаю ли я ее? Что я ей скажу? И что скажет она мне?

Я строил бесконечное количество гипотез, пытался представить нашу встречу. Я был абсолютно убежден, то, как именно я появлюсь перед ней, будет играть решающую роль в нашей совместной истории... Нужно одеться безупречно, чисто, дорого. Часы. Нужно непременно надеть мои Ролексы. Обязательно выспаться и побриться. Я должен быть свежим и полным сил. Как мне войти в кафе? Быстрым стремительным шагом занятого человека, поглядывая на дорогие часы, или неспешно, вразвалочку, как бы нехотя? Что сказать ей? «Привет, как твои дела?» или просто «Привет»? Или может, нужно сказать, как я рад ее видеть, что она совсем не изменилась, или что она хорошо выглядит? Или что я всегда знал, что мы с ней еще встретимся, и наши пути пересекутся? Или наоборот, что я удивлен ее появлению в моей жизни, ибо убежден, что нам с ней и говорить-то не о чем? Что, что сказать? Может, назначить с кем-нибудь встречу на без четверти восемь, тогда у нее будет всего полчаса на все про все, и она будет знать, что я не сижу целый день дома на диване в одиночестве в свой единственный выходной? Я зашел в ванную и посмотрел пристально на свое отражение. “Что, парень, умом тронулся, да?” – сказал я вслух молодому мужчине, в упор смотрящему на меня из Зазеркалья, и мы понимающе кивнули друг другу в знак согласия: Тронулся.

Рыбный ужин

Вечером после двух деловых встреч, я зашел в рыбный ресторанчик, расположенный недалеко от моего дома, поужинать и обдумать завтрашний день. В ресторане почти не было народу. Там меня хорошо знали, я был завсегдатаем. Я заказал рыбное ассорти и бокал белого вина. Не успел я закурить и закрыть меню, как передо мной уже выросли малюсенькие мисочки с салатами и закусками, чтобы я не сильно скучал, пока готовится мое ассорти. Вскоре принесли вино и запотевший графин воды, где вместе со льдом плавали листья мяты и солнечные кругляшки лимона. Я очень люблю это сочетание нежно-зеленого с желтым. Я сделал глоток. Вино оказалось добротным, и я пожалел, что раньше его никогда не брал.

Я стал разглядывать людей, приканчивая первую сигарету. За самым дальним столиком от меня сидела молодая пара. Было видно, что это одно из их первых свиданий, чувствовалась какая-то неуверенность в движениях парня и зажатость в улыбке девушки. Они разговаривали очень тихо, он все больше говорил, она все больше молчала, застенчиво отводя взгляд. Он пытался ухаживать за ней, но она, стесняясь и краснея, протестовала против добавок еды и вина, видимо, уверяя, что уже наелась и совсем-совсем ничего не хочет. За очередной затяжкой я подумал о том, как спокойно я сейчас наблюдаю за чужой неловкостью, и о том, что со мной будет происходить в это же время завтрашнего дня в кафе «У Сэма».

Я потушил сигарету и перевел взгляд на соседний столик. Там сидела молодая мама с сынишкой, который болтал ногами под столом и скидывал кусочки жареного на открытом огне краба на пол. Он жевал, чавкая и широко открывая рот, и запихивал не помещающиеся куски еды пальцами. Его мамаша сидела рядом, курила тонкую женскую сигарету, жеманно стряхивая пепел в пепельницу красными ногтями, и равнодушно смотрела в окно, ожидая, когда сын закончит ужинать. На фильтре тонкой сигареты, зажатой между указательным и средним пальцами, ясно было видно красное кольцо – отпечаток ее скучных губ.

За столиком, прилегающим к моему, сидела пожилая пара. От этого столика на меня распространялась волна любви и заботы. Старики с такой невероятной нежностью подливали друг другу сок и вино, накладывали салаты и рыбу. Она то и дело поправляла то его воротничок, то галстук, а он спрашивал, не дует ли ей от окна, накидывал ей на плечи кофту. Я замер в каком-то сказочном исступлении. Поняв, что слишком долго не отвожу от них взгляда, и это, в конце концов, может показаться неприличным, я поспешно отвернулся, однако, продолжал прислушиваться к словам и шорохам, исходящим с той стороны.

Я наложил себе немного салатов и в очередной раз убедился, что они островаты. О завтрашнем дне думать совсем не хотелось. Официанты стояли по углам, и от нечего делать пялились на посетителей и на проходящих за окном людей. Новых гостей они встречали радостными улыбками, будто их-то как раз они и ждали. Давая понять, что в этом месте им всегда будут рады. Этими же дежурными улыбками они обменивались с уходящими сытыми, и потому – довольными, посетителями, вскользь осведомляясь, все ли было в порядке, и приглашая прийти снова. Те же, чувствуя свою значимость, довольно улыбались и обещали как-нибудь обязательно заглянуть снова и, что самое интересное, заглядывали. Людям нравится, когда им рады, пусть и по долгу службы. Тут уж ничего не попишешь.

Наконец принесли мое ассорти. Я сделал глоток ледяной воды с лимоном и мятой, смывая вкус вина и остроту салатов, и принялся за горячее. В голове крутились пугающие мысли. А что если она вообще не придет, или придет, посмотрит на меня из-за газеты, ухмыльнется моей наивности и тихонько уйдет незамеченной?

Я помотал головой, стараясь вытряхнуть свою неуверенность на белую скатерть стола.

Ассорти было великолепным, о чем я не преминул сообщить официантам, когда уходил. Дома я приготовил костюм, сорочку и галстук, начистил ботинки, принял душ и впервые за

долгие годы решил не кататься сегодня вечером. Я взял с полки первую попавшуюся книгу, залез под одеяло абсолютно голым и при свете ночника принялся читать, не особенно вникая в текст. Примерно через час, кошка запрыгнула на мою кровать, свернулась калачиком около плеча, уткнулась лбом в мое ухо и затарахтела. Я отложил книгу, выключил светильник, положил на кошку руку и тотчас заснул.

Эта ночь выдалась непростой. И стоила мне, как минимум, дюжины седых волос.

Лиля Брук

Но сначала я расскажу про нее. Ее зовут Лиля. Она – еврейка. Мы встретились на какой-то вечеринке у общих друзей много лет тому назад, если поднапрячься, то где-то лет четырнадцать. Она премило рассказывала про свою уникальную коллекцию свинок, про то, что у каждой свиньи, – фарфоровой, стеклянной, резиновой, – есть своя история, своя, так сказать, «родословная». Еще она тогда говорила, что совсем не ест бекон. Но не потому, что это запрещено *каким-то там еврейским богом* (она так и сказала «каким-то там»!), а исключительно потому, что биологически у свиньи и человека одна структура ДНК, расхождение минимальное – в один-два гена, и что только свиные органы приживаются в человеческом организме. Так, получается, мы едим существо с таким же биологическим составом, что и наш, а это уж больно смахивает на каннибализм. Она прочла много книг, где выжившие в Войну рассказывали, как с голодухи ели человеческое мясо, — так вот, по вкусу оно, оказывается, точно такое же, как и свинина. Я слушал ее тогда с интересом, но несколько настороженно. Она рассуждала вполне здраво, выглядела очень интеллигентной, однако я не мог избавиться от ощущения, что она меня куда-то затягивает, и что, быть может, в последствии я не буду этому столь рад. И моя безупречная интуиция не подвела меня.

Лиля жила одна. Родители и вся ее семья давным-давно уехали на свою историческую родину, в Израиль. Ей тогда было не то семь, не то восемь. И, как она утверждает, она тогда «потерялась» по дороге в аэропорт, чему я, откровенно говоря, не очень-то верю. Как мне кажется, она просто сбежала или спряталась где-то, чтобы все уехали и она, наконец, смогла осуществить свою *мечту*. И осуществила. Про то, как и где жила до четырнадцати лет, она никогда мне не рассказывала, даже позднее, когда мы уже поженились. Однако в четырнадцать она каким-то неведомым образом добралась до Тибета, где напросилась в заброшенный монастырь и прожила там пять лет. Опять же мне известны только верхушки айсберга, а что она делала в этом монастыре, и чему ее учили там – мне неизвестно. Эта девушка всегда была окутана туманом тайны.

Еще какой Тайны.

Я знаю ее весьма неплохо, все-таки мы прожили вместе почти десять лет. Знаю, что она любит есть на завтрак, какой табак курит, как улыбается утром, а как – вечером. Но в тоже время, я не знаю о ней ровным счетом ничего. И это завораживает лучше всякого удава. Она могла вдруг исчезнуть на месяц, оставив записку следующего содержания: *«Мистер Браунинг, через семь дней, начиная с сегодня, возьмите отпуск и отправляйтесь в Париж, закажите себе номер в такой-то гостинице и ждите моего сигнала. Всегда и всюду ваша, Лиля»*. Я с ней не удивлялся ничему. Она очень многому меня научила: научила не привязываться к быту, к вещам, к людям, быть способным в любую минуту взять билет на самолет и отправиться в отдаленную точку земного шара, чтобы встретиться там с каким-нибудь гуру, который пожмет мне руку и улыбнется просветленной улыбкой. Только и всего.

Вес

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.